

Культура. - 1992. - 18 июля. - С. 10

ВОЗВРАЩЕНИЕ ИНГМАРА

Несколько лет назад известнейший шведский режиссер Ингмар Бергман категорически заявил, что окончательно уходит из кино и никогда больше не будет снимать. К заявлению отнеслись скептически, потому что так было уже не раз — он решительно уходил, занимаясь театром, потом снова так же решительно возвращался, и появлялись прекрасные ленты... Вот и теперь на западные экраны вышел фильм «С наилучшими пожеланиями», а осенью в Венеции будет показан «Сын на воскресенье», — в титрах обоих стоит имя Ингмара Бергмана. Но не режиссера, а сценариста. Таким образом, он не смог совсем уйти из кино, хотя формально вроде бы и сдержал свое обещание — не снимать. Снимает «за него» сын Даниель. Это он поедет в Венецию со своей первой лентой. Которая расскажет о детстве Бергмана-старшего. О том, как тихими воскресными днями вместе со своим отцом, провинциальным пастором, он путешествовал по забытым деревенским церквам, любовался старинными фресками, сельским покоем, открывал для себя дремлющий мир ничем не обеспокоенного захолустья... Ингмар Бергман весь в воспоминаниях. Он много пишет, — кроме сценариев, только что выпустил в свет книгу мемуаров «Образы», к осени будет готов томик его рассказов — тоже о прошлом. Издатели сетуют, что он пока не решился на публикацию пьес, которые писал в молодости, и романа — он лежит у него в столе. То лихорадочное рвение, с которым семидесятичетырехлетний известнейший режиссер набрасывается сегодня на бумагу, заставляет задуматься. Если он начал свою творческую жизнь как драматург, потом на многие годы ушел в кино, а теперь снова с таким восторгом погружается в мир литературных образов, то может быть, его кинематографическое прошлое было всего лишь затянувшейся паузой, и теперь писатель Ингмар Бергман подарит миру литературные шедевры? Мы публикуем отрывки из книги «Образы», а также интервью с итальянским режиссером Федерико Феллини, который рассказывает о своих встречах с Ингмаром Бергманом.

В первый раз

Первый день работы на съемочной площадке остался в моей памяти наполненным невыразимым ужасом. И до сих пор, каждый раз, когда я принимаюсь за съемки нового фильма, первые дни неизменно оказываются особенно трудными, особенно насыщенными. Так было и с фильмом «Фанни и Александр».

Однако я хочу рассказать о самом первом дне моей кинематографической карьеры. Я тщательно готовился к нему. Каждая сцена была скрупулезно отрепетирована, каждая позиция камеры выверена. В теории я точно знал, что именно мне нужно. На практике же все полетело к чертям. Это была классическая испанская комедия, в которой рассказывалось о двух влюбленных. Будучи предельно

Земляничная поляна

В некоторых газетных интервью я говорил, что только через определенное время после выхода в свет «Земляничной поляны» я сам понял истинное значение имени главного героя — Исак Борг. Так бывает, когда даешь интервью для масс-медиа — вроде бы вдруг открываешь всем некую истину, которая на самом деле является полуправдой, — это маленькие хитрости, к ним порой прибегаешь... В общем, я сказал, что имя Исак происходит от слова «Is» лед, а Борг «Borg» — «крепость». Простенькое и удобоваримое объяснение! Я смоделировал пер-

Шепоты и крик

В моей памяти постоянно вспыхивают кадры этой ленты: красная комната и женщины в белом. Это бывает — некоторые образы упрямо возвращаются к тебе, и ты не знаешь, что им от тебя надо. Проходит время, они исчезают, но потом снова возвращаются, — все те же, без изменения. Красная комната и четыре женщины в белом. Они передвигаются в этом таинственном алом пространстве, тихо перешептываются... В те дни я был занят чем-то другим, но, поскольку это видение настойчиво возвращалось, я понял, что они что-то ждут от меня... Все мои фильмы могли быть реализованы в черно-белом варианте, за исключением «Шепоты и крика». Уже в сценарии было написано, что я представляю себе красный цвет как содержание души. Еще ребенком я представлял себе душу в виде похожего на облако летящего голубоватодымчатого дракона с огромными крыльями — удивительное создание, наполовину птица, наполовину рыба. Но в груди дракона пылал красный свет.

Ингрид

С Ингрид Бергман я никогда не переживал того, что в нашем кругу называется «сложности совместной работы». Но были некоторые, и глубокие, различия в понимании языка кино. В первый день, когда мы пришли в киностудию почитать вместе текст и подготовиться к репетиции, я понял, что она сама с собой уже репетировала свою роль, — и как произносить реплики, и как двигаться, — репетировала перед зеркалом. У нее был совсем другой, не такой, как у нас, остальных, подход к своей профессии. Она вся осталась там, в сороковых годах.

Думаю, что в ней заложен какой-то уникальный аппарат, компьютерная система. Однако узлы восприятия режиссерской концепции расположены не там и не так, как у других актеров. Хотя импульсы отдельных режиссеров она воспринимала. Доказательство тому — некоторые американские фильмы, в которых она снималась и показала себя актрисой необыкновенной.

Например, в фильме Хичкока она просто гениальна. Хотя сама отрицала это. Думаю, он обращался с ней грубо и нагло и никогда потом не испытывал угрызений совести. А это был самый правильный способ заставить ее прислушаться к его требованиям.

Я же с первых репетиций понял, что благосклонное внимание, желание выслушать и понять ее точку зрения только вредят делу. Чтобы работать с ней, нужны были методы, которые для меня просто неприемлемы, — например, самый грубый нажим.

Однажды она сказала мне: «Если ты не скажешь, как я должна играть эту сцену, я влеплю тебе пощечину». Это мне в некотором роде даже понравилось.

Крайне трудно было работать с Ингрид Бергман и Лив Ульман, когда они снимались вместе. Сейчас, пересматривая мои фильмы, я вижу, что попросту бросал Лив там, где наоборот должен был бы ей помочь. Она принадлежит к тем щедрым душой актрисам, которые полностью отдают себя работе. Теперь я вижу, как в некоторых кадрах она остается как бы совершенно одна, в открытом море, и вижу, как она борется в одиночку. А все потому, что тогда я отдавал слишком много внимания Ингрид, которая, кстати сказать, частенько даже просто забывала свой текст. По утрам она была мрачной и злой, колючей, неприступной. Это было понятно: она тяжело переживала свою болезнь и, кроме того, была твердо уверена, что наш метод работы был совершенно ошибочен. Но ни разу не попыталась уйти, увильнуть, отказаться от роли. Несмотря на все сложности своего характера, Ингрид Бергман была необыкновенной личностью: щедрой, изумительно талантливой.

Комедия

Когда я был ребенком, все считали меня очень обидчивым, малосимпатичным и вообще лишенным чувства юмора. Так и говорили: «Ингмар совсем лишен чувства юмора». А вот мой брат, наоборот, был необыкновенным веселчаком. С юных лет он был душой всех вечеринок, домашних праздников — блестящий молодой человек, острый на язык, саркастичный. Хотя надо сказать, что с течением времени он превратился в угрюмого и мрачного субъекта. Я предпринимал немало усилий, чтобы быть веселым и радужным. Однажды на Новый год придумал два домашних спектакля, сам написал несколько маленьких сценок, которые лично мне казались очень забавными. Однако никто почему-то не рассмеялся.

Этот случай заставил меня надолго задуматься над тем, как же это другие заставляют людей веселиться. Тогда я был готов отдать все золото мира, чтобы понять, как это происходит...

Но вот наступил день театральной премьеры моего «Урока любви». Конечно же, я был в театре, нервно ходил взад и вперед по пустому вестибюлю. И вдруг услышал, как в зале кто-то засмеялся, потом еще и еще! Я подумал: возможно ли, они смеются над тем, что написал я!

Страх смерти

Моя боязнь смерти всегда была тесно связана с моими религиозными представлениями. Однажды я подвергся небольшой хирургической операции. По ошибке мне дали слишком сильный наркоз, и я потерял сознание. Когда снова пришел в себя, то показалось, что прошли долгие ча-

сы, а на самом деле все длилось мгновения. Вдруг подумал: вот так приходит смерть. От «я — есть» переходишь к «меня — нет» — что, конечно, трудно себе представить. Однако человеку, которого постоянно терроризируют мысли о смерти, возможность такого быстрого перехода должна принести некое утешение. И потом, хотя вообще эта процедура, наверное, неприятна, однако не покидает мысль, что душа, отделившись от тела, наконец-то отдохнет и, может быть, начнет новую жизнь. Но в общем-то я в это не верю. Сначала ты есть, а потом тебя нет. Это меня совсем не устраивает. Все, что раньше казалось таким пугающе таинственным, неземным, оказывается, просто не существует. Существует только то, что есть на этой земле. Все в нас, вокруг нас, мы переливаемся друг в друга, мы — вокруг себя и других: и пусть так и будет.

Федерико Феллини:

«Хотя я и предпочитаю братьев Маркс...»

— Сеньор Феллини, вы, наверное, слышали, что Бергман после книги «Волшебный фонарь» написал еще одну — «Образы».

— До сих пор из этого нового сочинения я прочитал только одну фразу — о том, что, закрывшись на две недели в просмотровом зале, он пересмотрел свои фильмы. И сказал: все — шедевры. Мне это показалось симпатичным. У меня никогда не хватило бы мужества пересмотреть мои картины.

— Как вы познакомились с Бергманом?

— Он, Куросава и я — мы вместе должны были снимать фильм «Трион». Предполагалось, что лента будет состоять из трех эпизодов, — такова

была идея одного американского продюсера. Последовал обмен письмами с выражением взаимных любезностей и восхищений, в общем-то довольно преувеличенных. Куросава в то время был в очень тяжелом состоянии, у него было острое истощение нервной системы, и он даже замыслил сделать себе хакакири...

— Поэтому и не присоединился к вам, и вам не оставалось ничего иного, как снять фильм «Дуэт»...

— Это был благоприятный случай, чтобы хорошенько узнать друг друга. За два года до того я уже встречался с Бергманом в Риме — после обмена очень дружескими, полными выражений взаимного уважения записочками. Итак,

